

В.Большаков

Целитель - 6

16+

Валерий Большаков

Целитель – 6

«Автор»

2021

Большаков В. П.

Целитель – 6 / В. П. Большаков — «Автор», 2021

Всё для Миши Гарина складывается очень удачно - он учится в МГУ, рядом его друзья. И от КГБ бегать не надо - чекисты сами его охраняют. Но жизнь не предскажешь, сколько не вангуй. Мелкие радости бытия оборачиваются драмой, а признание - прямой и явной угрозой...

© Большаков В. П., 2021

© Автор, 2021

Валерий Большаков

Целитель – 6

Валерий Большаков

ЦЕЛИТЕЛЬ-6

Пролог

*Пятница, 1 октября 1976 года. Вечер
Москва, проспект Вернадского*

Осень качается в зыбкой ничьей – вянущая зелень уступает скорбной желтизне. Выцветшие, иссохшие листья опадают, беззвучно кружась – и запускают печальные ассоциации.

Всё сущее тленно, стало быть, тщетно. Имея разум, сложно смириться с окончательностью бытия. Разве души человечьи не подобны облетевшей листве, шуршащей под ногами? Проклянувшись в детстве, распустившись в юности, отзеленев... И в жухлый опад?

Меланхолично глянув в вышнюю синь, подернутую пухлыми облачками, я дернул уголком рта:

«Тебе ли горевать, попаданец?»

Дрожал на ветке седой, морщинистый листок, треплемый ветром жизни. Вот-вот слетит, порхая в последнем штопоре! И вдруг – та-там! – снова зацвел...

– Миха!

Всю философскую маету разом выдуло из головы – грузной трусой перебегая улицу Кравченко, меня догонял Андрюха Жуков. Всё такой же шумный, налитой здоровьем увалень с румянцем во всю пухлую щеку. Суровые будни студента МАДИ ничуть не убавили в нем озорного жизнелюбия.

– Здорово, первокур! – шумно налетел Дюха, мигом создавая вокруг себя зону хаоса. – Тоже к Альке?

– К Тимоше, – коварно ухмыльнулся я, но проверка на ревность не зашла – одноклассник лишь отмахнулся своим драгоценным «Грюндигом».

– А мы на «картошку» ездили! – радостно выпалил он. – Только вернулись, недели не прошло. Знакомился с курсом в естественной обстановке! И с преподами – нормальные дядьки, кстати. Ха-ха-ха! Представляешь, – еще сильнее оживился Дюша, – я вчера декана не узнал! Весь такой из себя, при галстук, а я-то привык, что он в фуфайке, да в сапожищах... – внезапно остановившись, Андрей смерил взглядом «плюсик» – высотный Дом студента. – Так это они здесь, что ли? Ничё себе... – уважительно затянул он, тут же расплываясь в умиленной улыбке: – А Тимоша хитренькая такая! Даже не сказала, что в МГУ поступает! Я на нее обиделся тогда... Целый час не разговаривал! А Ефимова? Тоже... штучка! «Ой, боюсь! Ой, не сдам!» Ага... Я чуть не оглох, когда они звонить соизволили! Визжат, орут, рыдают... «Прошли! Прошли!»

– Праздник у людей, – улыбнулся я. – Пиршество духа. Сам не ожидал, что решатся! Нет, молодцы девчонки. Я теперь в универ мимо филфака хожу – знакомые личики!

– Будто перешел в одиннадцатый! – хохотнул Дюха, начиная понемногу суетиться и вздрагивать, будто в ознобе.

– Давно Зиначку не видел? – понимающе спросил я.

– Больше месяца, – вытолкнул Жуков. – Знаешь, такое ощущение дурацкое... Боюсь!

– Этот страх лечится...

Я вошел в стеклянный вестибюль ДСВ и резво одолел пару ступенек. За столом, напротив полочек для писем, восседала вахтерша – величественная, неприступная бабуся в очках и в платочке, отдаленно смахивая на Авдотью Никитичну.

– Здрасьте, тетя Дусь! – сказал задумчиво.

– Здра-авствуй, Миша! – пропела вахтерша.

Я не однажды миновывал Евдокию Панасовну, не имея в кармане даже временного пропуска. Но и мысли не допускал, будто причиной тому – мощь моего обаяния. Не-ет... Наверняка вахтерша сотрудничает с КГБ, и ее там просветили насчет студента Гарина. Однако и наглеть, изображая особо важную персону, тоже не комильфо.

– Нам бы в тринадцать-ноль-пятью... – я подпустил в голос заискивающих ноток.

– А шо там? – дюже заинтересовалась тетя Дуся.

– День рождения! – провозглашаю торжественно.

– Да-а? У Тимофеевой, что ли? Или... темненькая такая... У Ефимовой?

– У меня, – скромно улыбнулся я.

– Поздравля-яю! – залучилась бойкая старушка. – Проходите.

Из лифтового холла вынесся торопливый, сбивчивый цокот каблучков.

– Ой, Мишечка!

Альбинка, donaшивавшая коричневое школьное платье, с налету обняла меня и поцеловала. Дюху, уморительно тянувшегося губами, она шутливо отпихнула.

– С Зинулькой будешь лизаться!

– Ага-а... – заныл Жуков жалобно. – Дождешься от нее!

– Дождешься! – рассмеялась девушка. Дернувшись, она крикнула, вытягиваясь и взмахивая рукой: – Ой, подождите, подождите! Не закрывайте!

Поднажав, мы успели втиснуться в кабину лифта.

– Вам на какой? – добродушно буркнул крупногабаритный студент, подтягивая к себе сумку-чувал.

– Ой, на тринадцатый!

Громила с пожитками вышел на пятом, и лифт с облегчением вознесся на «девчачий» этаж.

– Сюда! – Альбина свернула в коридор «Г», болтая и крутясь: – Мы вас из окна увидели, и девчонки меня послали, чтоб тетю Дусю умаслить! А вы уже...

– Мишечка! Мишечка! – шлепая тапками, подбежала Маша. Индийские джинсы-клеш и длинный кардиган, брошенный на пышный батничек, «старили» ее, прибавляя пару-тройку лет, а умелый макияж закреплял «взрослое» впечатление.

– Машечка! Машечка! – отвечал я, смеясь и платонически тиская близняшку. – А Светлана где?

– В анатомичке! – испуганно округлила глаза Шевелёва. – У-ужас! Я туда как-то заглянула разок – и мне дурно стало. А Светке хоть бы хны. Зубрит латынь и копается в этих... в организмах! «Тебе разве не противно?», спрашиваю, а она, удивленно так: «Я же, говорит, в перчатках!» Представляешь?! Светка сказала, чтобы без нее начинали... Пошли, пошли!

– Иду, иду!

Меня переполняло знакомое приятное нетерпение, когда ты возвращаешься после летних каникул, и встречаешь одноклассников, всё таких же – и немного других. Подросших, загорелых, отъевшихся на фруктах-овошах. А я своих школьных подружек месяца два не видел точно!

Тимоша с Альбиной заселились в двухкомнатный блок, разделяя удобства с тремя студентками истфака. Исторички куда-то ускакали, зато комната наших девчонок гудела от говора и смеха.

– И чё? – вопил Изя воинственно. – Думаешь, арабы на наших полезут?

– Ну, мон шер... – донесся голос Жеки Зенкова, тянувший жеманную иронию. – Это, смотря кого ты считаешь своими. Израильтян?

– Ты чё, совсем?!

– Блин-малина! – выразилась Рита. – Хватит вам о политике!

Во мне всё сладко сжалось при звуках ее голоса, а вот и она сама...

Девушка замерла в дверях на долю секундошки. Взмахи ресниц словно раздували темные огоньки в глазах, и вот вспыхнула радость свидания.

– И-и-и! – с восторженным писком Рита бросилась ко мне, целуя, куда придется. Гладкие ручки закалачилились вокруг моей шеи, и я «поплыл» на волне подзабытой улады.

– Разлученные встретились после долгой «картошки»! – с выражением прокомментировал Дюха.

– А-а! – донесся Тимошин голос из комнаты. – Явился, не запылится!

Порог переступила Зиночка в платье с выпускного. Чмокнув меня в щеку, уперла руки в боки и сурово спросила заробевшего Андриюху:

– Ты где был?

– В колхозе, Зиночка! – преданно вытаращился Жуков.

– В строгости держит, – шепнула мне на ухо Рита. – Пошли, не будем смущать Тимошу.

Она за руку провела меня в комнату, оклеенную дешевыми обоями в цветочек. С приемом гостей девчонки не заморачивались – развернули письменный стол, выставив его между кроватями и застелив новенькой клеенкой, еще хранившей линии стигбов. Оба стула, помещенные белыми инвентарными номерами, заняли Динавицер с Зенковым, а остальным, по замыслу, предлагались «кочные» места.

– Гарин! – заорал Изя по старой памяти. – Ты опять без гиперголоида?

– Лучевой шнур распустился, – нацепил я ухмылку типа «гы». – Жека, а ты-то здесь каким боком?

– Правым, мон шер ами! – расплылся Женька. Вскочив, он протянул мне руку через стол. – Ну, и левым... Я в июле еще один экзамен сдал – в техучилище. Экстерном! Ромуальдыч помог.

– Ромуальдыч – человек!

– Так, еще бы... Помнишь же, какая у нас «практика» была? Одних движков штук десять перебрали! Ну, и выдали мне «корочки»... Автослесарь 3-го разряда! А пока вы на колхозных полях резвились, я на «Зиле» вкалывал.

– Лимита! – захрюкал Изя, давась от смеха. – Понаехали тут...

– Ой, Изя! – тут же вмешалась Альбина, в порыве педагогического негодования. – Как скажешь чего-нибудь... Тарелки лучше подай. Вон, на подоконнике!

Рита крепче обняла мою руку и прижалась тесней.

– Совсем, как в школьные годы, – памятьливо улыбнулась она. – И в том же составе!

– Не ностальгируй, – отзеркалил я ее улыбку. – Рано тебе еще.

– Я соскучилась! – шепот втек, опалая ухо. – Сильно!

Темный нутряной жар всколыхнулся во мне, раскручиваясь и властно занимая мысли.

– Хватит к Мишечке приставать! – Тимоша появилась у двери, раздумываясь и отмякая.

– Мишечка – мой! – мурлыкнула Сулима, подлачиваясь.

– Чего это твой? И мой!

– Ой, и мой тоже! – послышался Алин голос из прихожки.

– Миша – наш, общий! – с чувством сформулировала Маша, внося бутылку «Мартеля» с фиолетовой кляксой штампа ресторана на красной этикетке. Держа сосуд обеими руками, она торжественно выставила его на стол. – Наш общий! Вот!

– Отвали, моя черешня! – черные Ритины глаза заблестели умильной лукавинкой.

– А помогать кто обещал? А? – грозно нахмурилась Тимофеева.

– Ладно, ладно... – заворчала Рита, гибко вставая.

Девушки живо накрыли на стол, не жалея гостинцев из дому. Одного салыца сколько – и охряного от перца шпика, и розоватых шматиков с мясными прослойками, да с рубленным чесночком... М-м... Парящие, только что отваренные сосиски Маша притащила с цокольного этажа – там стоял ларек. Надо полагать, для откорма голодающих студюзов. Нарезанный «Орловский» она прихватила этажом выше, в столовой.

– Всё, всё! Садимся! – зазвенела Тимоша. – Миша, с тебя тост! «Мартелю» – или нали-вочки?

– «Мартелю»! – сграбастав выпивку, я встал. – Все читали «Лезвие бритвы»? Там, под конец, одна из героинь кидает клич в массы – давайте, мол, собираться в дружеские союзы взаимопомощи, верные, стойкие и добрые! Ну, не знаю, откликнулись ли массы на ее призыв, а вот у нас с вами именно такой ДСВ и получился. Пускай мы не каждый день вместе, как раньше, но всегда рядом. Друзья, прекрасен наш союз! – поднял я рюмку. – И пускай он с годами лишь крепчает, как этот коньячок! За нас!

– Ур-ра-а!

Руки – нежные и гладкие или загорелые и мускулистые – сошлись, звеня да клацая стеклопосудой. Закатный луч дробился в хрустальных гранях и брызгал на лица малиновые высверки. Хорошо!

* * *

Прелестницы нас покинули, чтобы быстренько вымыть посуду – торт «Прага» ждал своего звездного часа на подоконнике. Судя по шепоткам и хихиканью, перебивавшим плеск воды в санузле, красны девицы активно обсуждали добрых молодцев.

Дюха включил магнитофон, убавив громкость – какая-то композиция Поля Мориа соткалась легким фоном, наигрывая атмосферу романтики и релакса.

– К сожаленью, – вздохнул Изя, поймав настроение, – день рожденья только раз в году...

Зенков фыркнул и бочком привалился к спинке девичьей кровати.

– Мон шер, – бросил он на меня любопытствующий взгляд, – ты ведь тоже что-то такое говорил насчет экстерна. М-м? Типа «Даешь физфак за год!» Не передумал?

– Передумал, – хмыкнул я, размышляя, слопать ли мне еще один ма-аленький кусочек домашнего рулета, или хватит объедаться. – Нет, можно было бы, конечно, изнасиловать мозги, но зачем? Чтобы меня называли выскочкой, а то и вундеркиндом? На фиг, на фиг... Ты мне лучше скажи, «ЗиЛ» – это всерьез и надолго?

– Да ну! – заносчиво фыркнул Женька. – Перекантуюсь до призыва.

– И Маша рядом! – хихикнул Дюха.

– Ну, да... – промямлил Зенков, скучнея. – Ох, не верю я во все эти верности! Да и за что так над девушкой измываться? Два года тратить на ожидание! Два года! – прошипел он, морщась, и вздохнул: – Не знаю... Вот, не знаю и всё!

– Делай, что должен, – процитировал я Аврелия.

– ...Будет, что суждено, – тускло договорил Зенков.

Неожиданно в коридоре поднялся шум, расходясь детсадовским визгом, и в прихожке началась суматоха – к хихиканью добавились аханье с ойканьем.

– Изя, глянь, – заинтересовался Андрей, – чего они там?

– Не пацанское это дело, – надменно выразился Динавицер.

Тут приоткрытая дверь распахнулась настежь, и на пороге остановилась Светлана. Я встал, приветствуя близняшку.

– Нарисовалась, фиг сотрешь! – хулиганская улыбочка заплясала на ее губах. – С днем рождения, Мишечка!

Чмокнув меня в уголок рта, девушка смутилась.

– Там... – заговорила она неуверенно. – Там еще одна гостя... Инна. – И засуетилась, достала из сумочки свежий номер «Советского экрана». – Смотри! – Света раскрыла журнал на развороте. – Нет... Тут репортаж со съемок... А, вот!

Небольшая, с открытку величиной, фотография Инны Видовой очаровывала: легкий прищур синих глаз, ветерок перебирает пряди цвета спелой пшеницы, зреет ямочка на щеке – то ли улыбнется девица-красавица, то ли нахмурится капризно, еще и губки надует.

Взгляд выловил из текста: «...По словам французского режиссера Андре Юнебея, Видова живо напомнила ему Милен Демонжо».

«Согласен, – усмехнулся я. – Тоже милашка...»

Смех, звуки ступающих ног, весьма оживленный гомон накатили воздушной волной. Хлопнула входная дверь, отвергая фанаток, и в комнату вошла Инна.

Простенькое платье в стиле «милитари» служило оправой, оттеняя броскую внешность Хорошистки. Талия утянута пояском, подчеркивая крутизну бедер. Фигурка... Двояковыпуклая – грудь вперед, попа назад. Щечки алеют, глазки блестят, улыбочка голливудская – «снежок в розе», как Грин говаривал... Хороша!

Инна оглянулась на Риту, и та ворчливо снизошла:

– Да целуй уж...

Видова приблизилась ко мне, явно робея. Я натянул улыбку, и в синих глазах заметалось ликование. Нежно прижавшись губами, Инна выдохнула:

– С днем рождения, Миша!

Наши девчонки, толпившиеся за спиной Инны, как фрейлины августейшей особы, зашебетали вразнобой, наполняя комнату красами да гласами:

– Ой, а кто чай будет?

– Все! Все!

– Иже херувимы...

– Дюха, тебе партийное поручение!

– Торт, Зиночка?

– Только не кромсай, смотри!

– Точка – и ша! Я аккуратненько...

– А чая хватит?

– Полный чайник!

– А чашки?

– Да мы по всему коридору собирали!

В дверь просунулась симпатичная мордулька первокурсницы, совмещавшей модную челку и школьные косички.

– От нашего факультета – вашему факультету, – пышно объявила она, косясь на Инку, и впустила подружку с большой круглой коробкой. – Торт «Киевский»!

– Добро пожаловать! – выкрикнул Изя. – А чё?

– Блин-малина... – печально вздохнула Рита. – Вот как тут похудеешь?

– Рано тебе худеть, – шепнул я ей на ушко.

Девушка расцвела довольной улыбкой.

– Скажи, что я красивее Инки!

– В сто раз!

Закатные разводы перекрасили обои, кутая фигуры друзей в розоватую опушь. Сумерки густели, наливались прозрачной синевой, но никто не тянулся к выключателю – не будешь же

на свету ловить мимолетные поцелуи! А далеко за окном, на краю московской неоглядности, целился в небо эмгэушный трезуб...

Глава 1.

Суббота, 16 октября. Три часа дня

Москва, Ленинские горы

По огромной аудитории гулял лекторский голос, ложась на извечный фон – перешептывание да шорох листаемых конспектов. Но витало в воздухе и нетерпеливое ожидание, подогреваемое солнцем за окнами. Истекала последняя пара!

Суббота – короткий день, в три двадцать студенческие массы усиленно толпятся в дверях alma mater. Самые романтические спешат на свидания, самые голодные – в столовку, а самые целеустремленные – в библиотеку.

Хмыкнув тихонько, словно отпустив эхо своих мыслей, и краем сознания внимая доктору наук, я продирался сквозь ломкие каракули по матанализу и аналитической геометрии. Хороший конспект – основа хорошего зачета. А в моем почерке только медик разберется...

«Пустяки, – процитировал я Карлсона, – дело житейское!»

Стоило отказаться от экстерна, как тревоги да заботы полностью покинули меня, равняя с однокурсниками. Ведь кто такой студент? Дитя-переросток! Случается, что и одаренный. Раскачанные, заточенные на учебу мозги притягивают знания, как магнит железные опилки, а опыта – йок. Ты юн и невинен, как в отрочестве, зато все прежние табу сняты. Хочешь курить? Кури! Хочешь любить? Люби! И не довлеют над тобой тяготы взрослой жизни.

Отучиться как все, пять лет подряд – это большой жирный плюс. Будет система в знаниях, будет глубина... Хм. Глубина...

Нахмурившись, я покрутил носом. Даже Физфак МГУ окопался в глубоком тылу передовой науки. Матан и ангем – это хорошо, но ту же теорию групп на факультете не преподают, а новая теорфизика уже скребется в дверь. Пару-тройку лет спустя ученая братия подсядет на алгебраические топологию и квантовую теорию, на дифференциальную геометрию, и тут одними лекциями да семинарами не обойдешься. Пора запастись томами Бурбаки и сборниками Иваненко...

Старенький профессор, «выступавший» на сцене, отчетливо щелкнул замком портфеля, и студенчество свободно зашумело, подхватываясь и захлопывая исписанные тетради по сорок четыре копейки штука.

– Не расходиться! – мелодично взревел комсорг группы Лёвин, вскакивая и одергивая кургузый пиджачок. – У нас комсомольское собрание!

– Так цэ у вас! – подал голос развеселый хохол Петренко. – А нас за шо?

– Разговорчики! – строго прикрикнул Лёвин, выходя к доске, размалеванной математической каббалистикой.

– Нашли время! – раздался одинокий голос, исполненный безнадёги.

– Мы должны выбрать секретаря собрания, – бодро продолжил комсорг, не обращая внимания на несознательных. – Будут предложения?

– Предлагаю Аню Синицыну, – пробубнил кто-то с первых рядов.

– Кто за кандидатуру Анны Синицыной, прошу поднять руки! Кто против? Единогласно!

Хрупкая и юркая «Синичка» спорхнула по ступенькам и заняла свое место за основательным, монументальным столом, деловито раскрыв потрепанную тетрадь с черновиками протоколов.

– В повестке всего один вопрос, – снисходительно улыбнулся Лёвин, проявляя чуткость к людским слабостям. – Нам необходимо составить перспективный план работы комсомольской

организации факультета, а также календарный план и план-сетку. На бюро было решено учесть инициативу снизу...

Я сидел в третьем ряду и с интересом наблюдал за привычным действием. Сеня Лёвин – парень, в общем-то, неплохой, хотя и с закидонами по политической части. Крепкий, способный математик. Если весь свой напор пустит в научное русло, оставит след в теории... Хотя бы пунктиром.

От беспокойных мыслей складочка запала на переносице. Как же повезло моему поколению – и октябратские звездочки носили, и красные галстуки, и комсомольские значки! Надо было испробовать буржуазной демократии, нахлебаться свобод, чтобы оценить утраченные скрепы. И понять, помимо всего прочего, отчего важничали мальчишки или девчонки, принятые в пионеры.

Есть такой логический прием – доказательство от противного.

Потомки нынешних октябрат, рожденные в обществе купли-продажи, будут лишены драгоценного чувства товарищества. До них, закоренелых индивидуалистов, просто не дойдет, как можно радоваться общему, а не личному успеху. Воспитанные Интернетом и «независимыми», то бишь брехливыми СМИ, они выставят превыше всего свои права, глумясь над замшелым понятием долга.

Как им объяснишь, что хваленое «свободное общество» всего лишь толпа пыжащихся одиночек, несчастных людских атомов? Да никак...

А ведь распад социума уже запущен. Даже комсомольцы с пионерами теряют былой свой дерзкий энтузиазм, подменяя идеалы ритуалами. Встряхнуть бы их, что ли...

Тихонько приоткрылась дверь, впуская Григория Алексеевича, завкафедрой и члена парткома факультета. Делая пассы руками – сидите, мол, сидите, – он скромно примостился на краешке скамьи.

– Можно поприсутствовать?

– Конечно, товарищ Быков! – с готовностью кивнул комсорг.

«Синичка» испуганно вскинула головку, округляя глаза – и ловя сходство с разбуженной совой. Глянула в мою сторону, хлопая ресницами, и я ей по-дружески улыбнулся. Не дрейфь, мол.

– А что смешного, Гарин? – вздыбился комсорг, хищно перехватив мой посыл. – Где ты находишь юмор в нашей комсомольской работе?

– Нигде, – хладнокровно ответил я. – Правда, я и работы никакой не нахожу. Сплошная скука и пустопорожний формализм.

Аудитория зароптала, заерзала, а Лёвин будто вырос и раздался в плечах, наполняясь праведным гневом, как воздушный шарик – гелием.

– Ах, вот как? – сардоническая усмешка а ля Мефистофель заплясала на бледных губах комсорга. – И это говорит злостный нарушитель дисциплины? – театрально возгремел он. – Студент, который ни разу – я подчеркиваю! – ни разу не соизволил посетить пары по общественным наукам, а заодно и по английскому? Студент, который не принял участия ни в одном мероприятии?!

– Слышу речи не комсорга, но прокурора, – я встал и присел на парту, боком оборотившись к сцене. – Во-первых...

– Тебе слова не давали, Гарин! – запальчиво выкрикнул Сеня.

– Вот как? – мой голос отдавал морозцем. – Ты будешь тут глупости говорить, а мне молчи да терпи? – не удержав ледяного тона, я ухмыльнулся. – Дай хоть покаяться перед лицом своих товарищей!

Лёвин вопросительно поглядел на Быкова, тот кивнул.

– Кайся, – буркнул комсорг.

– Спасибо, батюшка, – смиренно отпустил я. – Ну, во-первых. С милейшим Виленом Виленовичем я встретился лично еще в августе. Три часа мы с ним беседовали, как он любит выражаться – конструктивненько, да продуктивненько. Спорили о дефинициях коммунизма и социализма, вежливо ругались, но пришли-таки к трогательному консенсусу. Вилен Виленович освободил меня от занятий по основам марксизма-ленинизма и политэкономии социализма, а я, в свою очередь, обязался сдавать ему зачеты только на пять.

– Да-да, – улыбнулся Григорий Алексеевич, добродушно кивая, – помнится, товарищ Кетов был в полном восторге. По его словам, вы, Гарин, оправдали нынешний курс КПСС, процитировав Сталина. Не напомниме нам?

Мои губы сами сложились в улыбку – «Виленыч» сразу показался мне бойким престарелым комсомольцем-максималистом, не приемлющим компромиссов.

– Товарищ Кетов подозревал товарища Брежнева в реставрации капитализма. Я же защищал рыночный социализм, и привел сталинские слова. Вождь сказал так: «Говорят, что товарное производство всё же при всех условиях должно привести и обязательно приведет к капитализму. Это неверно. М-м... Товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наемных рабочих капиталистами».

Завкафедрой одобрительно кивал.

– Зачет вы сдадите, Гарин!

– Приложу все силы, – заверил я. – Ну, это всё по первому пункту обвинения... Вторых, насчет инглиша. Я свободно говорю по-английски, в чем и убедил преподавательницу. Зачем же мне зря просиживать часы? Лучше я займусь программированием, подработка у меня такая... Ну и, в-третьих. В общественно-политической жизни я участвую весьма активно, просто ты этого не замечаешь. Вот, например, наш декан прямо на «картошке» организовал посвящение в физики. Как же не чтить традиции Посвята? И я их чтил до глубокой ночи, пока здоровье позволяло!

По толпе студентов, как порывом ветра, разнесло смешки.

Сеня заметно сдулся, и смотрел на меня, как Ленин на мировую буржуазию. Даже жалко его стало. Но Сеня первым начал!

– Комсомол – это сила! – с чувством сказал я, выдержав мхатовскую паузу. – Это бездна энергии, это миллионы молодых и рьяных, готовых на подвиг, готовых строить и мечь! А ты им – календарный план, ведомости по учету комсомольских взносов... Знаешь, что я сделал, когда меня выбрали комсоргом школы? Выкинул всю эту бюрократическую макулатуру! И занял народ живым, интересным делом! Я и вашему бюро советую проветрить помещение, а то, простите, затхлостью отдает. Лёвин, ты только не обижайся, но оглянись же! Вокруг тебя сотни талантливых людей, готовых уже сейчас, не дожидаясь диплома, творить, выдумывать, пробовать! Ну, так направь эту энергию, куда надо, а не жди, пока другой займет твое место! У нас, как ты, наверное, знаешь, незаменимых нет.

Комсорг вздрогнул, побледнел, глянул с жалким вызовом, но смолчал.

– А конкретно, Гарин, – заинтересовался Быков, – что вы предлагаете?

– Ничего нового, – мотнул я своей умной головой. – Центр научно-технического творчества молодежи! Надо просто собрать сокурсников с идеями, проектами, задумками. Выделить им помещение, оборудовать его... И пусть трудятся на благо!

Послышались боязливые хлопки, а затем пышноватая девица, сидевшая рядом выше, затормошила соседа:

– Гош, чего ты молчишь? Ну, ты ж сам мне рассказывал! Холодильники на термоэлектрических модулях!

- Да ладно... – мямлил сосед, очкастый и вихрастый «ботан».
- Эффект Пельтье? – быстренько оборотился я.
- Ну-у... да, – растерялся «ботан».
- Конгениально! – прищелкнул я пальцами.
- Д-думаешь? – не поверил очкарик.
- Уверен! Вот, представь: суешь ты коробку-холодильник на заднее сиденье «Москвича», подключаешь к аккумулятору – и приезжаешь на пикник с остуженным пивком... Ерунда, согласен! Ну, а если «скорая» в твоём холодильнике доставит вакцину?
- Да-а... – взгляд «ботана» стал рассеянным, а я подмигнул пышечке. Та игриво накрутила на палец прядь волос, крашенных хной.
- А Скоков ядерно-магнитным резонансом увлекся! – донеслось с задних рядов.
- Нормально! – я звонко хлопнул в ладоши и потерял их, будто согреваясь. – Вот и готов перспективный план!
- Собрание объявляется закрытым, – прокрипел Лёвин деревянным голосом и направился к дверям, прямя спину. – Все свободны!
- Проводив комсорга задумчивым взглядом, Быков живо обернулся.
- Гарин, а вы не могли бы заглянуть в партком? Скажем... м-м... Через недельку?
- Загляну, Григорий Алексеевич, – улыбнулся я. Лучезарно, как весеннее солнышко.

Там же, позже

Лёвин метался по комитету комсомола, бессильно ярясь. Тяжкая ненависть, свинцом заливавшая голову, сочлась в нём с сосущим «порханием бабочек» в животе.

«Не стоило трогать Гарина... – прыгали рваные мысли, будто хлопья саж, реющие над костром. – Но и спускать... Как?! И что теперь? Смириться? Ага... Щаз-з!»

- Сеня, уймись, – лениво сказал комсорг факультета, распечатывая пачку сигарет.
- Я спокоен, Дим, – выцедил Лёвин. Он резко сунул руки в карманы куртки, затем сложил их на груди. Передернув плечами, уткнул большие пальцы за ремень.
- Курнешь? – Дим небрежно выщелкнул сигарету.
- А-а! – раздраженно скривился Семен.
- «Пэлл-Мэлл»!
- Ну, давай...

Прикурив сигаретину, Лёвин зажал ее в дрожащих пальцах.

Власть комсорга группы невелика, но это всего лишь первый шаг! И, если тебе ставят подножку, ты или падаешь, или... Или сохраняешь равновесие. Чтобы развернуться, и дать пинка!

От частых нервных затяжек легонько вскружилась голова.

- В принципе... – Дим сощурился, отмахиваясь от сизой струйки. – В принципе, за Гариным – декан, но Фурсов – один...
- Один! – кисло бросил Лёвин. – Фурсов – из команды Курчатова, а там держали самых мозговитых!

Зазвонил телефон, и от неожиданности Сеня закашлялся ароматным дымком.

- Алё! – сипло вытолкнул он в трубку.
- Семен Лёвин? – донес телефонный провод.
- Да, это я.
- Вас беспокоят из ЦК КПСС...

Окурок выпал из ослабевших пальцев.

– ...С вами хочет говорить Михаил Андреевич Суслов. Не кладите трубку...

Звонкий щелчок – и уха коснулся иной голос, твердый и малость окающий.

– Здравствуйте, товарищ Лёвин, – нетерпеливо начал главный идеолог страны. – До меня дошли слухи, что вы создаете проблемы комсомольцу Гарину...

– Я... – каркнул Сеня пересохшим ртом.

– Я не кончил, – резко стегнула трубка. – Михаил Гарин – способный и нужный нам человек. Только на его программах и научно-технических разработках наше государство зарабатывало валюты на сто сорок миллионов долларов. Поэтому у меня к вам, товарищ Лёвин, убедительная просьба – не мешайте Гарину жить, учиться и работать. И не заставляйте нас делать малоприятные для вас оргвыводы. Вы меня хорошо поняли?

– Д-да... – выдохнул комсорг.

– До свиданья.

Держа трубку, как хрупкую драгоценность, Сеня бережно придавил ею рычажки.

– С-сука Гарин... – плаксиво задрезжал он. – Нажаловался в ЦэКа! Самому товарищу Суслову!

Дим сидел недвижимо и тарачил глаза, пока не дернулся, отшвыривая догоревшую сигарету, обжегшую пальцы.

– Ах, ты!.. Нет... – невнятно замычал он, держа у губ указательный. – Я вместе с Гариным в метро ехал до самого бассейна, и там часа два бултыхался. Когда бы он звонил в ЦэКа? Не-е... Это кто-то другой. Или другая...

Лёвин не ответил. Широко раскрытыми глазами он смотрел за окно, в черноту позднего вечера. По Ломоносовскому проспекту сновали юркие жучки малолитражек, мелькая фарами и алея стоп-сигналами, важно катили троллейбусы, высвечивая желтые окна.

Ничего этого комсорг не видел. Перед его глазами разворачивались совсем иные картины, серые и безрадостные...

Вторник, 19 октября. Утро

Москва, район Ясенево

Андропову всегда легче работалось «в лесу» – на засекреченных этажах белобетонной «книжки» ПГУ. Каждый вторник и пятницу черный «ЗиЛ» подбрасывал его сюда, в Ясенево. Здесь мысль высвобождалась из чиновничьей упряжи, сбрасывала гири текучки и волокиты. «В лесу» дули свежие ветра, налетая со всех концов света, и словно доносили прелый дух сельвы, сухой жар Сахары, влажную липкость лондонских туманов, приправленных застарелым смогом.

Юрий Владимирович прошелся по рабочему кабинету, уминая новый ковер, и благодарно кивнул Василию, занесшему чай в позвякивавших стаканах. Штампованные подстаканники придавали порученцу сходство с проводником плацкартного вагона.

– Пейте, – гостеприимно велел Ю Вэ, усаживаясь за стол. – Для зачина.

– Слушаюсь, товарищ председатель Комитета государственной безопасности! – отчеканил Борис Иванов, прихватывая пару баранок.

– Поёрничай мне еще, – буркнул Андропов.

Питовранов дипломатично улыбнулся, придвигая к себе чай. Выглядел Е Пэ, как всегда, импозантно – «импортно», как подшучивал Иванов, а вот его собеседники на иконы стиля явно не тянули.

– Начнем с тебя, Женя, – Юрий Владимирович разломал баранку и вдумчиво захрумкал, прихлебывая чаек. – Что там по операции «Сафари»?

– Всё идет по плану, – Питовранов взмахнул кистью. – Кубинские товарищи сделали Вакарчуку ринопластику, наложили на левую щеку аккуратный шов – как бы шрам, и сейчас Степана не отличишь от Брайена Уортхолла, «владельца заводов, газет, пароходов». Нам еще и повезло, как Робинзону Крузое! Помните? Дефо «подарил» своему персонажу сундук с

инструментами! А нам досталась записная книжка мистера Уортхолла. Там всё – номера телефонов, счетов, пароли, фамилии, адреса... Все лето Вакарчук входил в роль – выслушивал по телефону доклады своих управляющих и давал ЦЭУ – с Ямайки, с Доминиканы, изображая босса на отдыхе. И ни единого сбоя! На следующей неделе они с Чаком, то бишь, с Мануэлем, отправятся на Багамы, а оттуда – в Нью-Йорк. Должно получится – родни у Брайена нет, верный друг один – Мануэль Бака...

– Годится! – председатель КГБ энергично кивнул, блеснув очками в глаза Иванову. – А как там Миха поживает?

– Да неплохо поживает... – генерал-лейтенант громко хлопнул чаем, отвечая ухмылочкой на укоризненный взгляд Е Пэ. – Дома, в Зеленограде, он под нашим постоянным контролем. Гариным я даже соседа подселил, по лестничной площадке – старого, проверенного кадра. С утра Мишка пересаживается на электричку. Доезжает до Ленинградского вокзала – и в метро. От станции «Университет» пешком до Физфака. Вечером – обратно. Всю дорогу мы его плотно ведем...

– А твои парни не засветятся? – сложил ладони Андропов.

– Не должны, – мотнул головой Иванов. – Даже если их лица примелькаются, то это дело обычное – попутчики ведь одни и те же. У кого-то в Москве работа, у кого-то учеба, да мало ли... В универе тоже наши люди – лаборанты, один преподаватель и даже студент в Мишиной группе.

– Ого! – Питовранов приподнял брови.

– А ты как думал! – горделиво хмыкнул Борис Семенович. – Знамо дело, на том стоим... По Москве Миша почти не шастает. Изредка наведывается в общагу МГУ на Вернадского, там у него одноклассники прописаны. Зина Тимофеева и Альбина Ефимова учатся на филологическом факультете, а Изя Динавицер – на историческом. Ну, и еще четверо – по другим вузам. Андрей Жуков поступил в МАДИ, Светлана Шевелёва – в Первый московский мединститут, ее сестра Маша – в «Строгановку», а Рита Сулима – в Московский финансовый... К-хм... Рита снимает квартиру на Арбате, и Миша порой гостит у нее. Бывает, что и до утра.

– Дело молодое, – снисходительно улыбнулся Ю Вэ. – Так, понятно, – задумался он, озабоченно при этом помаргивая. – Проблемы есть?

– Да не то, чтобы проблемы... – затянул генлейт. – Нами зафиксирована нездоровая суэта группировки «хохлов» в ЦэКа – Кириленко, Тихонова и Щербицкого. Сейчас они активно подтягивают к себе Гришина. По нашим данным, Щербицкий – центральная фигура, остальные так, подтанцовка. И вся эта гоп-компания ищет Миху, как крестоносцы – Святой Грааль!

Андропов размашисто хлопнул ладонью по столу, притормозив Иванова.

– А если «хохлы» выйдут на Гарина? – раздельно проговорил он.

– Хватит одной слаженной мобильной группы, – Питовранов меланхолично глотнул остывшего чая, и поставил лязгнувший стакан на салфетку. – Прикрепленных отрезают, нейтрализуют или ликвидируют. Мишу суют в машину и увозят в неизвестном направлении. Укол... Спецпрепарат... И нашего секретносителя понесет, как Остапа!

Ю Вэ выразительно поморщился, затем вскинул на генерал-лейтенанта расширенные глаза.

– Боря, этого допустить нельзя. Бери «хохлов» под колпак! Знаю, что строго запрещено! Все равно бери! С Леонидом Ильичем я договорюсь, – он возбужденно заелозил. – Были такие «верные ленинцы»... Грянул тридцать седьмой – и где они?

– Понял тебя, – хищно сощурился Иванов.

– Товарищи... – негромко проговорил Е Пэ, и нервно потер ладони. – Рад, что Борис Семенович затронул тему нацменов. Сам я не решался... А ведь это... Да, согласен, не проблема! Это прямая и явная угроза, товарищи! Весь юг Советского Союза засуетился, а не одни лишь «хохлы»! – помолчав, он продолжил спокойнее: – Честно говоря, сложно отно-

шусь к товарищу Суслову, но надо сказать ему спасибо за партсъезд. Ведь это его стараниями «помолодели» делегаты! Ни одного кувшинного рыла! Каждый второй – молодой рабочий, колхозник, инженер или совслужащий. И они все, как один, проголосовали за «перестройку»! Молодцы! А нам с вами надо думать теперь, как задавить оппозицию, потому что одним лишь тихим саботажом дело не кончится. Боюсь, как бы не полыхнули «горячие точки»! Особенно в Средней Азии и на Кавказе. Вторая очередь – Украина и Прибалтика. Надо ли говорить, с какой готовностью Запад поддержит «борцов с кровавым большевистским режимом»?

– Женья, да ты в своем уме? – Иванов ошарашенно шурился на Питовранова, сняв очки, будто надеясь лучше разглядеть визави. – Какая, к бесу, оппозиция? Какие еще точки?!

– Ти-хо! – прикрикнул Андропов, шлепая ладонями по столу. – Женья прав, – он раздосадованно сморщил лицо. – Это я всё виляю по-интеллигентски, никак не решусь бить первым. А пора уж! Борь, ты интересовался делом о покушении на Суслова?

– Нет, – буркнул генлейт, насупясь.

– «У тебя специализация узкая!» – спародировал Райкина Ю Вэ, откидываясь на спинку стула. – А опера ВГУ вышли на след Шелеста и прочих «хохлов» – от первых секретарей райкомов до членов ЦК КПУ. И все они завязаны на бандеровское подполье! Да, Боря, да! Мы установили контакты наших доморощенных националистов и с самим главой ОУН Ярославом Стецько, и с руководителем оуновской Службы «безопаски закордонных частей» Степаном Мудриком. Курьеры так и шмыгают через границу!

– Не хреново девки пляшут по четыре сразу в ряд... – Иванов обеими руками нацепил очки.

– Вот такие танцульки, Боря... – поскущел Андропов, и жестко скривил рот: – Работаем!

Среда, 20 октября. Вечер

Зеленоград, аллея Лесные Пруды

Мне повезло – пятую пару занимал милейший Вилен Виленович со своим историческим материализмом, и я благополучно «удрал с уроков». Чтобы встретить Риту и проводить...

В ее маленькой и уютной квартирке, обставленной в стиле сороковых, задержался буквально на часок, да и то потому, что долго искал плавки. Вместе с девушкой, киснувшей от смеха, обшарил и комнату, и кухню, и ванную. Мы даже на балкон выглядывали, дуэтом вспоминая французские кинокомедии. А обнаружилось галантерейное изделие в прихожке, на самом видном месте – висело, скрученное, на рожке бра...

В общем, до дому я добрался в начале девятого. Родные привыкли к моим поздним явлениям, да и куда ж тут денешься? Пятая пара заканчивается без двадцати семь. Пока до метро добежишь, пока до вокзала доедешь, пока электричка дотелепается до станции Крюково... А потом еще автобус ждешь, считая тягучие минуты!

И вот они, мои Лесные Пруды...

Пустынная улица тянулась, осиянная фонарями и желтыми отсветами окон. На грани слышимости фырчал автобус, из отверстых форточек лились эстрадные напевы или невнятный говор – Зеленоград замедлял ход между ясным днем и темной ночью, чтобы уgomониться до раннего утра.

Выйдя из гроыхнувшего лифта, я застал соседа, одетого в полудомашнее – еще в строгом пиджачке, но уже в разношенных пижамных штанах, он шуршал веником по лестничной площадке.

– Здравсьте, Евгений Иванович!

– Здравствуй, Миша! – трудно разогнулся сосед.

– Орднунг наводите? – я толкнул дверь, как всегда, не запертую.

– Да сам сплеховал, грязи нанес... – суетливо закружил Евгений Иванович, высматривая совок – он держал его в левой руке.

Улыбаясь, я переступил порог и притворил дверь, шелкая задвижкой на два оборота. После зябкой уличной сырости, да в домашнее тепло... Хорошо!

Что-то официальное бормотал телевизор в зале, на кухне бренчали тарелки, и звякали, пересыпаясь, ложки с вилками. Торопливое шлеп-шле-шлеп...

– Приветтики! – мама, вытирая руки вафельным полотенцем, ласково поцеловала свое дитятко. – Раздевайся, мы еще тоже не ужинали!

– Сколько раз говорил, чтоб не ждали меня, – забурчал я, скидывая ботинки, – а то привыкните на ночь наедаться, станете толстыми и некрасивыми...

Из кухни важно выступила Настя в домашнем платице и мамином передничке. В руках она держала расписную миску с жарким.

– Так... Не будь занудой, Мишечка, тебе не идет! – сестричка подставила щечку, и я прилежно чмокнул.

Цепляя шлепанцы пальцами ног, улыбнулся – неугомонная натура спешно искала негатив, дабы озаботиться, понять, как следует – и не находила. Полузабытая беспечность радовала, как ценный подарок судьбы.

– Здоров, Михайло! – отец возбужденно шелестел свежей газетой. – А наши – молодцы! Не ожидал даже. Лишили союзные республики права на отделение? Аллес гут! Правильно. Но мало! А сейчас вообще – автономизация! – он экспрессивно шлепнул ладонью по странице: – Ударим автономиями по кланам!

– Уже? – искренне восхитился я. – Правда, что молодцы...

– Да толку-то! – отчетливо прифыркнула мама, поддразнивая главу семейства. – Вон, в Китае сотни всяких автономий, а родовой строй никуда не делся.

– Майне кляйне! – взбурлил папа негодованием. – Ты не понимаешь, это же удар по единству всей этой родовой знати! Когда царька-бездаря, вроде Шеварднадзе, коронуют в Тбилиси – это одно, а вот когда карта Грузии запестрит, как лоскутное одеяло... – он кхекнул, прочищая горло, и постарался завершить пышную фразу обычным голосом: – Целая куча племен, представляешь? Мелочь пузатая! Имеретинская АССР, Хевсурская АССР, Сванская, Кахетинская, Картлийская, Мегрельская, Гурийская... Восемнадцать автономных республик, областей и районов!

– Это еще ладно! – я разморено двинул рукой, присаживаясь за стол. – А вот в Узбекистане... Так там и вовсе за сорок автономий выйдет – Каракалпакская АССР, Мангутская, Найманская, Кунратская, Кипчакская... И прочая, и прочая, и прочая!

– Разделяй и властвуй... – мама неторопливо взбила растрепавшуюся челку.

– Да! – отец с хрустом сложил газету. – Но это будет советская власть!

– Хватит вам про политику! – Настя зазвенела выставляемой посудой. – Жаркое стынет! Папа потер ладоши, предвкушая, и тревожно оглядел стол.

– А... выпить?

– Алкоголик! – мурлыкнула мама, и выудила заветный сосуд.

* * *

Благодушествуя, я уединился и врубил комп. Обкормили меня сегодня... Жаркое, да со скрипучим огурчиком, да под токайское... М-м-м... А потом еще пирог яблочный, да под чаек! Не удержался, два куса слопал. Второй кусок был явно лишним, а что делать? В вопросах сдобы моя натура слаба...

Мигнула единичка, и я кликнул по иконке, выводя письмо. О-о! alex@sovmail.su. «Етто» от Ромуальдыча! И «об чем» нам поведает штандартенфюрер Войтке?..

«Миша, привет!»

Осваиваю помаленьку, юзаю)) А в Первомайске большой шухер! Чекисты взяли на горячем Гурбая, третьего секретаря райкома. Эта сволочь «по совместительству» руководила окружной исполнительной ОУН! Знаешь, на что ситуация похожа? Как будто подняли во саду-огороде трухлявую доску, а под нею всякая многоногая гадость! Выпустил бандеровцев Кукурзер, распустил, а теперь его троцкистские выбрыки нам боком выходят. Ничего... Ударят нас по левой щеке, а мы их мордой об правое колено! Мне Дмитрий Федорович по секрету сообщил – сейчас готовится указ о переподчинении Москве республиканских МВД и КГБ с прокуратурами. КПУ вообще кирдык, вот они и бесятся. А ты в курсе, что на Суслова покушение было?

Алекс».

Я заулыбался. Наш человек! Мы, правда, поспорили немного из-за ников, но Ромуальдыч таки уломал меня... Мои пальцы засновали по клавиатуре, набирая ответ:

«Приветствую!

Мне Революй Михайлович наиптал про «ДТП» с «тезкой». И якобы следы ведут на Украину. Вы все правильно поняли. Рядовые коммунисты только рады принципу «Одна страна – одна партия», а вот врагам народа он как нечисти – святая вода. Михаил Андреевич молодец, не отступил! Уважаю. Ликвидировав компартии во всех ССР, он сказал «А», а теперь говорит «Б». Переводит КПСС на новую структуру – по экономическим районам, создавая партийные округа во главе с окружками, как умные люди предлагали еще в восемнадцатом году.

Юстас».

Минуту спустя снова замигала иконка «Sovmail». В послании задавался вопрос:

«А это точно – про окружкомы?

Алекс».

Я наклацал и отправил:

«Это меня в парткоме МГУ просветили, еще на той неделе. Вызвали и говорят: «Товарищ Гарин! Хотим поручить вам создание Центра НТТМ!» Комсомол ответил: «Есть!» Уже и помещение выделили – в Доме студента на Вернадского. Там два спортзала, так один, который на 10-м этаже, отдали под Центр. На днях микроЭВМ завезли, столы, стулья, икафчики разные... Трех студентов я уже привлек, вернее, они сами «привлеклись». И Дюха Жуков обещал заглядывать, и Динавицер, куда ж без него. Но меня иное беспокоит: как же будет функционировать Центр без Ромуальдыча, который всюду вхож и со всеми знаком? Вакансия технического директора свободна...

Юстас.

P.S. В парткоме мне сказали, что директиву насчет окружкомов как будто бы обмозговали на Старой площади, и Брежнев дал добро. Думаю, информация верная, а перемены нынче водят хороводы! Вон, я как раз на «картошке» был, когда пошли разговоры про автономизацию... Читали «Правду»? Там на первой полосе – «О борьбе с национализмом и местничеством». Мы с батей сегодня провели политинформацию для мамы с Настей)))»

– Мишечка! – Настя подкралась сзади и нежно обняла меня за шею, обволакивая запахом чистоты и мыла «Детского». – Ванная свободна! – и замурлыкала ласково: – Можно я в «Тетрис» поиграю? Немно-ожечко, немножечко!

– Пока я буду мыться, – поставил я условие.

– Конечно, конечно! – заверила меня сестричка в стиле Маши Шевелёвой.

Я встал, и на мое место тут же гибко скользнула Настёна.

«Немножечко... – мои губы сложились в улыбку. – Фиг оттащишь! И это я еще «Попрыгунчика» не запустил... Или пусть останется «Марио», как в прошлой жизни?»

Наплескавшись, почистив зубы дефицитной пастой «Колинос» и зачесав влажные волосы, я вывалился из ванной.

Прибегать к репрессивным методам не пришлось – Настя с мамой сидели в обнимочку, созерцая шоу «А ну-ка, девушки!», а отец допивал на кухне ежевечерний стакан кефира.

– Работать будешь? – спросил он понимающе.

– Надо, – вздохнул я. – Посижу часочек...

«Турбо Паскаль» почти доведен до ума. Удобнейшее, чуть ли не идеальное орудие труда для нынешнего программиста – простой и понятный синтаксис, и меню есть, и «горячие клавиши». Редактор, компилятор, отладчик...

А теперь всё это богатство вылизывать и вылизывать!

Тихонько прикрыв дверь, чтобы не мешать родне, я вернулся на остывший стул. Ага! Сразу двоечка!

Покликав «мышей», открыл письмо из Первомайска.

«Насчет вакансии – спасибо. Подумаю») А на днях мне, знаешь, чего «шепнули» по электронке? Генсек обсудил в узком кругу блестящий стратегический план: в Латвии, Эстонии, Литве, Молдавии, Киргизии и Казахстане развернется строительство заводов-гигантов. Туда из России, Украины, Белоруссии понаедут сотни тысяч инженеров и рабочих, для них возведут жилье мировых стандартов, а через годик объявят референдум. Наших будет больше, чем титульных аборигенов, и все «шесть сестер» присоединят к РСФСР автономными республиками! И уже никто никуда не рыпнется. Здорово?

Алекс».

Еще б не здорово... Пару лет назад Киссинджер записал Брежнева в «никакие политики», но счел водителем-асом. А Леонид Ильич эволюционирует!

Я «вскрыл» второе письмо.

«Миша!

Я застал 37-й год и помню, как под шумок репрессий, раскрученных педерастом Ежовым, Сталин избавился от всяких бухариных-рыковых-зиновьевых. Они мешали поднимать страну, мешали готовиться к войне – всё это верно. Но сколько тысяч стали теми щепками, что летели под топорами, рубившими лес? К чему я это? Миша, я уверен в наших чекистах – это профи высшего класса, и они тебя не бросят (можешь не говорить, мне и так ясно, что за тобой присматривают!). И все же будь крайне осторожен, поскольку я также уверен, что и на местах, и на самом верху у генсека найдется не меньше противников, чем когда-то у вождя. Ты же рискуешь стать добычей победителя в борьбе за власть. А оно тебе надо?

Алекс».

– Прорвемся, Ромуальдыч, – прошептал я. – Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!

Свет в комнате был притушен, и Зеленоград за окном не таял во мраке – проглядывали высотки за деревьями и даже промельки фар на Сосновой аллее сквозили в переплетах ветвей. А далеко-далеко за городскими крышами и чащобами вспыхивало, дрожа и пригасая, смутное зарево – то ли зарницы играли, то ли блистали огни артобстрела...

«Ну, ты как придумашь!» – сердито нахмурился я, и взялся за «Турбу».

Глава 2.

Четверг, 21 октября. Утро

Ливан, река Литани

Дизель танка «Магах-3» ревел радостно и звонко, без надрыва, а лязгавшие гусеницы победно топотали по пыльной набитой колее. Траки жадно загребали под железное днище скудную, иссушенную почву, будто спеша погрузиться во влажный песок – река Литани уже посверкивала за прибрежными зарослями.

Полупустынные склоны, шуршавшие жухлой травой, скатывались к живой воде – и вскипали буйной, глянцевиной зеленью, как морской прибой – взбитой пеной.

– Тхум олей Мицраим... – прошептал Алон, щурясь на блеск вод, отливавших бутылочным стеклом. Он приближался к истинным пределам земель Эрец-Исраэль, заселенных его предками тысячи лет назад, при Моисее и Иисусе Навине. Бездна времени отражалась в Литани...

Поправив тяжелый шлем, Рехавам крепче ухватился за горячие края люка. Высовываться из танка здесь, в «ФАТХаленде», кишачем палестинскими боевиками, было очень вредно для здоровья, но и нырять в бронированную утробу, душную и жаркую, не хотелось совершенно. Сидишь там, как ядрышко под стальной скорлупой, и ёжишься, ожидая, когда же грязный араб-«турист» вытащит из своего чемодана ПТУР «Малютка»... И никакая броня не спасет – тугая струя громового белого пламени мигом прожжет башню, брызгая расплавленным металлом, и станешь ты пеплом...

Алон неуклюже подвинулся, оглядываясь назад. По древней дороге, проложенной еще финикийцами, катила передовая колонна 36-й бронетанковой дивизии «Оцват Гааш» – копотая пылью, пантеры валко качались, грозя орудиями супостату.

Когда палесы ударили по мирной Галилее из 130-мм гаубиц и 40-ствольных «Градов», накрывая Кирьят-Шмону, Метулу и Нахарию, премьер и министр обороны явили трогательное единодушие – пожав друг другу руки и отринув взаимную неприязнь, Ицхак Рабин и Шимон Перес заключили мужской договор о мире. И пошли войной на палестинцев – общий враг объединяет...

Две эскадрильи самолетов «Кфир» отбомбились по Западному Бейруту, налетая парами со стороны моря. Ракеты и бомбы перепахали лагерь Нахр-эль-Баред и Бадауи, помножив на нуль склад боеприпасов и около двух взводов «тридцатьчетверок».

Разумеется, вторжение сильно возбудило сирийцев, и дядюшка Асад тут же ввел войска в долину Бекаа...

...«Магах» внезапно дернулся и замер, качнув передком. Рядом, звякая и рокоча, остановился командирский танк. Генерал-майор Бен-Галь молодецки спрыгнул на броню и осклалился, приветствуя Алону.

– Как дорожка, рабби? – заорал он, стягивая каску.

– Это направление, алуф, а не дорожка! – перекричал Рехавам дизельный клекот.

Авигдор рассмеялся, соскакивая на галечный пляж. Новенькие танки «Магах» и старенькие «Шот-Каль» грохотали, расползаясь по берегу и глуша моторы. Облачка сизого чада таяли

в теплом воздухе – и набавлялась тишина. Становились слышны шуршание листвы и плеск речных волн – урез воды словно делил мир и войну.

Кряхтя, Алон полез из люка. Осторожно, чтобы не разбередить больную спину, соскользнул на броню, хватаясь за пулемет. Фу-у...

«Как мне тогда Юваль сказанул? – усмехнулся Рехавам. – «Суета – не мой стиль!» Во-во...»

В люк тут же просунулась вихрастая голова Ариэля Кахлона. Спецназовец юрко выскользнул наружу, за ним – Юваль и Цион. Вся группа в сборе, кроме Гилана. В госпитале отлеживается Гилан. Попал под раздачу на Прибрежном шоссе...

– Рабби, – живо блестя глазами, Кахлон завертел головой, оглядывая речную долину и рокошующую бронетехнику, – а форсировать будем?

Генерал-майор рассмеялся, хлопая себя по коленям и качая встрепанными кудрями.

– Форсировать другие будут, Ари, – проворчал Алон. – Наша цель попроще – зачистить земли от палесов вплоть до Литани, – уловив в своей речи назидательные нотки, он насупился, но договорил с вызовом: – Местные христиане натерпелись от боевиков и хотят, чтобы мы тут остались навсегда. Ну, в этом наши желания совпадают. Так что ты стоишь сейчас на новой северной границе Израиля!

– Здорово... – впечатлился Кахлон.

Зависла нестойкая тишина, перебиваемая грюканьем железяк – мехводы пользовались остановкой для мелких починок. А река текла и текла себе мимо, безразличная к человеческим разборкам – за минувшие века Литани немало вынесла в море пролитой крови...

– Едут! – встрепенулся Бен-Галь, втаптывая в скрипучий гравий недокуренную сигарету.

Со стороны Набатии показалось желтое облако – в пыли подпрыгивали и шатались три колесных бронетранспортера UR-416.

– Не стрелять! Это союзники!

Из головного броневика, затормозившего в удушливых клубах пустынного праха, выбрался бравый майор Хаддад в форме без погон. Этому толковому офицеру удалось собрать в один кулак христианские и мусульманские отряды самообороны, сплотив их в Армию Южного Ливана.

– Шалом! – воскликнул он, топорща усы.

– Салям! – ухмыльнулся Алон, и крепко пожал протянутую руку.

– Вот, разузнали кой-чего! – Саад развернул карту на броне «Магаха». Юваль живо прижал ее руками, чтобы не залистывало ветром.

– У палестинцев пятнадцать тысяч бойцов, – доложил майор. – Крупные силы противника сосредоточены на западном склоне хермонского хребта и на высотах Арнуна, господствующих над излучиной Литани – это там, – махнул он рукой, – ближе к Набатии. Оттуда палесы контролируют Тир, Большую Сайду и все побережье от Дамура до Бейрута. В каждом из этих районов от полутора тысяч бойцов до целой бригады. В их распоряжении артиллерия, вплоть до 155-мм орудий, «катюши» и около сотни «Т-34-85». Авиации нет, но стоит опасаться сирийских «МиГ-21». У меня все.

– Тогда продолжим! – зловеще улыбнулся Алон.

«Хочешь состариться – сиди. Хочешь омолодиться – иди!»

– По машинам!

Воскресенье, 24 октября. День

Москва, Пушкинская площадь

Мы шагали шеренгой, хоть и не в ногу – молодые и модные. Я с Ритой – посередине, а слева от меня – Инна со своим Олегом. Красавец Видов вел под руки сразу двоих – прелестную

жену и подозрительно румяную Машу. Ритка шушукалась с «непарной» Светланой, а замыкали строй благодушный Изя с отчитывавшей его Альбиной.

Премьера!

Впереди, под взлетающим козырьком «России», ярчели громадные афиши. Даже отсюда, с бульвара, узнавались анфас рисованный Мкртчян да знаменитая троица, Никулин-Вицин-Моргунов. Плюс две красавицы вполоборота – Наташа Варлей и Инна Видова.

«СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ДРУГИЕ» – выплясывали огромные буквы, а серебристые динамики разносили знаменитые «акустические коллажи» Гайдая – причудливую звуковую смесь разухабистой музыки с закадровыми шумами. Абсурдный саундтрек звал к себе, манил предвкушением шедевра зрелища, загодя настраивая на легкомысленный лад.

– Леонид Иович – бог комедии! – пафосно выразился Видов.

– Точно! – поддакнула Маша. – Точно!

Инна смолчала, на секундочку, как бы случайно, прижавшись ко мне плечом и стрельнув глазами. Рита в это долгое мгновение не смотрела на нее, но словно почуяла исходящую от Хорошистки опасную женскую эманацию – и крепче прижала к себе мою руку. Я успокаивающе погладил ее тонкие, изящные пальчики – девичьи губы отозвались благодарной улыбкой...

– Я «Бриллиантовую руку» раза три смотрела, – безмятежно молвила Сулима. – Да и «Кавказскую пленницу»... И, ведь, знаешь сюжет чуть ли не наизусть, а все равно интересно!

– Ну-у, я вообще повторяюшка! – прыснула Светлана в ладонь. – Насмотрелась «Ивана Васильевича...»! Теперь чуть что – «вельми понеже»!

– Житие мое... – вздохнул я, театрально печалась.

– Иже херувимы! – звонко рассыпался смех близняшки.

– Ой, Олег! – воскликнула Аля, наклоняясь, чтобы видеть актера. – Это, наверное, по твою душу!

Впереди замаячила толпа поклонниц, томившихся от обожания.

– Скорее, к Инночке, – блеснул зубами Видов. – Я у Гайдая на втором плане!

Но фанатки, щебеча и стрекоча, как стая сорок, пылко набросились на него, сливаясь в восторженный вихрь улыбок, подведенных глаз и открыток с автографами. Досталось и Хорошистке. «Русская Милен Демонжо» не подмахивала фотки с этакой усталой небрежностью кумира, а выводила роспись прилежно, как на уроке.

– Прямо, кинозвезда! – вытолкнул я, любуясь чудным профилем.

– Да какая там звезда! – на губах Инны тенью промелькнула улыбка. – Так, старлетка...

– Всё, всё, девушки! – взмолился Олег, поднимая руки, словно сдаваясь. – Опаздываем!

Закогтив автографы, стайка обожателей неохотно сняла окружение, и наша шеренга отсчитала ступеньки знаменитой лестницы, перекрывшей проезд. Под крутым козырьком кинотеатра шумная, нарядная публика загустела, отчаянно взывая о лишнем билетике, и мы еле протолкались, всего разок затормозив у почтительно расступившихся зрителей – в пустом кругу, словно очерченном мелом супротив Вия, Гайдай давал интервью телевизионщикам. Инна прижалась к моей спине, как бы под напором «массовки».

– ...Мне ближе сатира, гротеск, эксцентрика, – уныло тянул режиссер, оглядываясь в нетерпеливом поиске. – Я люблю острый ритм, быстрый темп, резкий монтаж, кинотрюки, очень люблю пантомиму...

Узнав меня, он неожиданно воскликнул:

– Миша! Здравствуйте! – высокий, нескладный Гайдай рывком вышел из кадра и затряс мою руку. – Как же вы нам помогли! Столько смешных моментов – чудо, блеск! Очень, очень стиливо!

– Да ладно, – заскромничал я, уводя взгляд от любопытного ока телекамеры. – Надо ж было порадовать за важнейшее из всех искусств! Здравствуйте, Наташа, – обронил мимоходом, замечая Варлей. – Или Нина?

Миниатюрная актриса весело рассмеялась.

– Да я уже и сама не знаю! – резво заговорила она. – Вжилась в роль! Привет, Олег! Инночка, привет! Или Дашенька?

Девчонки с готовностью рассмеялись, а Инна лишь улыбнулась, словно храня верность сценическому образу – холодноватой и недоступной ленинградочки.

– Привет, – потеплели глаза Хорошистки. – Знакомься, это Миша!

– Очень приятно! – оживленно молвила «кавказская пленница».

Я задержал ее маленькую ладонь в своей, и представил подругу:

– А это Рита!

– О-о! – Варлей с восхищением измерила глазами Сулиму. – Лоллобриджида зачихнет от зависти! И я тоже! – комично понурилась она. – Всегда мечтала быть высокой, как вы. Киношники еще не пристают?

– Отбиваюсь пока, – мило улыбнулась Рита.

– Всё, всё, пошли! – заторопил нас Видов. – Скоро начнется!

Мы успели. Под шепотки зала чинно расселись в партере. Слева мои ноздри тревожила Инкина «Шанель № 5», а справа щекотал подкорку винтажный аромат «Клима».

«Сулима – «Клима», – суетливо промахнула мысль. – В рифму...»

Девушка наклонилась ко мне, не отрывая глаз от гигантского белого экрана.

– Ты чего принимаешься? – шепнула она.

– Запахи будят воспоминания... – пробормотал я тихонько, кладя руку на Ритину коленку, словно берега касаясь. Теплая ладонь ласково накрыла мою пятерню. И бысть тьма...

Карнавальная зацепинская мелодия властно подхватила, закружила и понесла действие, разворачивая сцену за сценой.

Балбес, Трус, Бывалый и Джабраил, отбывающие наказание в образцово-показательной ИТК, выглядели уморительно, остриженные на лагерный лад.

– Хорошо сидим! – скалится Балбес, подмигивая скучному Джабраилу.

– Долго! – уныло вздыхает тот.

Набывчившись, Бывалый сипит приглушенно:

– Пора рвать когти!

– А это не больно? – боязливо интересуется Трус.

...Четверка кунаков бежит «на рывок», а вот товарищ Саахов поумней своих подельников – освобождается досрочно. Не зря же и лагерной самодеятельностью руководил, и даже женские роли играл! Усатый Этуш совершенно бесподобен в платье: «Я – тоже человек, понимаешь!»

И как же он глаза таращил, узнав, что его пост в районе заняла та самая Нина!

Хохот гулял по залу, как порывистый ветер в бурю, почти не стихая. Неподалеку стонал и хрюкал Изя, но Альбина не школила бойфренда – сама изнемогала, хихикая из крайних сил.

– Сейчас про Нину будет, и про Дашу... – Инна подалась в мою сторону, приятно вжимаясь грудью в плечо. Ее ручка вкрадчиво соскользнула – и пристроилась у меня на бедре. Как давным-давно, в другую эру. Год назад.

Еще немного, и мои пальцы охватили бы нахальную ладошку, но я устоял.

...Пока киношный Видов в роли командированного Гоги охмуряет Нину – заведующую райкомхозом, Шурик-лошара бродит под окнами конторы, истребляя ромашки. Долго выясняет, любит или не любит, плюнет или поцелует, пока прехорошенькая секретарша Даша не высовывается в окошко.

– Да любит, любит, успокойся, – ворчит девушка. – Хватит цветы рвать!

– Правда? – сияет Шурик.

– Да правда, правда...

И Демьяненко, вдохновившись, отправляется в экспедицию (с Пуговкиным в роли известного ученого) – искать в горах снежного человека. Никто ж не знает, что йети изображает та самая троица с Джабраилом, скрываясь от милиции и пугая народ...

У бедных зрителей животы болят, дружный смех больше на стон походит, а Гайдай всё закручивает и закручивает сюжет...

В финальных сценах я отдышался. Вычурные здравицы, барабаны, джигиты, лезгинка... Две свадьбы разом! Нина и Даша в белом и пышном плывут по траве, будто царевны-лебеди, а вокруг них выются Шурик с Гогой – в мохнатых папах, в черных кафтанчиках с газырями...

Усмешка тронула мои губы. Стало понятно, почему Видовы не закатали торжества в реале – им хватило съемочной площадки.

...Огромная, шумогадная толпа провожает молодоженов, ночной поезд отправляется, а мелодичный, западающий в душу голос Аиды Ведищевой выводит за кадром:

*Стучат колеса, бегут огни,
Тревоги все несутся мимо!
Заполним счастьем часы и дни,
Люби сама – и будь любима!*

* * *

– «Люби сама-а – и будь любима!» – тихонько напевала Рита, а я держал ее за руку. – Ну, Ми-иша... Ты меня ведешь, как первоклашку! А я уже большая девочка!

– Да? – изобразил я удивление.

– Вот как дам сейчас!

– Прямо сейчас? – восхитился я. – Ну, Ри-ита... Люди ж кругом!

– Вот, получишь! – погрозила девушка, и взяла меня под руку. – Пошли скорее!

От «Смоленской» до ее дома мы почти добежали, хихикая и прыская дуэтом. Вознеслись в маленькую квартирку – и замерли. Рита нежно огладила мое лицо ладонями.

– Мне все еще не верится, что ты – мой... – прошептала она, разглядывая жадно и серьезно, будто впервые увидела.

– Твой...

Мои губы долго искали дивный ротик... нашли... гладкие девичьи руки крепко обхватили меня за шею, и я уложил Риту на скрипнувшую кровать – всё рядом...

Скрипела двуспальная долго, пока мы не утомонились.

– Помнишь ту ночь, после выпускного? – смешно пыхтя, девушка притиснулась поближе, остыв после трудов любви. Закинула на меня руку и ногу, чтобы быстрее согреться. – Другой такой не было и не будет... Да и вообще... Мы редко оставались одни до утра. Правда? Как-то всё урывками... Ну и пусть... Мне очень хорошо с тобой!

– Нет, это мне с тобой хорошо, – заспорил я, с усилием разжмуривая глаза. Недельная беготня давала себя знать.

– Ладно... – милостиво муркнула Рита. Потершись носом о мое плечо, она уложила голову мне на грудь и вздохнула. – Знаешь, а я, наверное, развратница...

– Ну, здравствуйте, – фыркнул я, – приехали! С чего вдруг?

– Понимаешь... – девушка стесненно хихикнула. – Когда мы с тобой... ну, очень близко, ближе не бывает... Ну, ты понимаешь! Я будто с двумя сразу – мальчиком Мишей и взрослым Михаилом. Он такой чуткий, заботливый! И очень нежный...

– Чучелко ты мое... – проворковал я ласково.

– Ну, ты меня, как Настёну! – засмеялась Рита. Смолкла и приподняла голову, пальцами небрежно отмахивая прядь. – Миш...

– М-м?

– Я все-все помню про твою тайну... Я даже горжусь немножко, что ты одной мне... Миш, ты рассказывал про свою жену... А когда вы встретились?

Я огладил Ритину щеку, и девушка прижалась к моей ладони.

– В восемьдесят втором, летом. А через год поженились. Проговаривал эти слова, и сам удивлялся – неужели всё это было на самом деле? Даша... Холодное Японское море... Дача под сопкой...

– Шесть лет еще! – выдохнула подруга. – Ты окончишь универ... Тебя оставят в аспирантуру, да? А еще через год... уедешь? Будешь Дашу искать?

Я ласково уложил девушку на спину и поцеловал ее, опершись локтем.

– Никуда я не уеду, и искать никого не буду, – мой голос был мягок и тверд одновременно. – Нашел уже!

Рита всхлипнула и порывисто обняла меня. Прижалась, задышала в шею.

– Так хорошо, что в сон тянет... – пробормотала она смущенно. – Давай, поспим чуть-чуть? М-м? Как Штирлицы? А потом сходим куда-нибудь! Еще светло совсем... Давай?

– Давай... – я крепче стиснул девушку, и с наслаждением закрыл глаза. Сладкая дрема накрыла нас теплым, невесомым одеялом...

Мне снилась Инна.

Суббота, 30 октября. День

Нью-Йорк, Крэнберри-стрит

Пройдясь по причалу и косясь на небоскребы Манхэттена, Вакарчук оглядел «свою» облупленную яхту. Почившего Уортхолла не интересовали всякие новомодные навороты, вроде облицовки амарантовым деревом. Этот скряга купил себе «бэушный» иол с маленькой бизанью позади грот-мачты, чтобы можно было справляться с парусами даже в одиночку. Но вот, не доглядел...

– Шеф! – напомнил Чак о себе. – Такси ждет!

– Иду!

За рулем желтого кэба перемалывал жвачку толстомордый негр. Фуражка таксиста едва удерживалась на стриженной голове с мясистым загривком.

– Куда? – промычал он, неприятно выкатывая глаза в зеркальце.

– Бруклин-Хайтс. Кэнберри-стрит.

В глазах «кэбби» заворочался интерес – район для богатеньких!

– Да, сэр, – рокотнул он, и тронулся.

Степан помалкивал всю дорогу. Его занимала весьма важная проблема: как узнать «собственный» дом? Брайену Уортхоллу принадлежит трехэтажный особняк-браунстоун в тени высоких деревьев. На мятой фотокарточке всё это хорошо видно, вот только снимок черно-белый! И какого же цвета недвижимость? Коричневого, желтого, красного, серого? А черт его знает...

Такси свернуло на Кэнберри-стрит, узкую и уютную улочку, застроенную теми самыми браунстоунами. Было похоже, что выставленные в ряд двух- и трехэтажные дома сгребли, лишая проулков, и не просто сцепили боками, а еще и сплющили.

Высокие деревья вырастали чуть выше крыш, наводя тень и придавая месту элегическую утонченность. Глянешь – и не поверишь, что отсюда недалеко до трущобного Гарлема или эмигрантских кварталов Куинса.

Вакарчуку улица по душе пришлась. Что-то в ней было узнаваемое, не раз виденное в старых районах Москвы, и потому немного даже родное, дававшее волю легкой ностальгии.

– Стоп! – сказал Призрак Медведя. – Приехали.

Степан не спорил. Вылез из кэба и дождался индейца.

- Сколько ты ему сунул?
- Десятку.
- Раздаваха... – заворчал Вакарчук.
- Zhlob, – ухмыльнулся Чак.

Обменявшись любезностями, они поднялись по ступенькам особняка из коричневого камня на своеобразное крыльцо, чей навес удерживала пара дорических колонн. Окна полуподвала сбоку ограждали кованые решетки. Дорого и стильно.

- Ключ у тебя?

Чарли отрицательно мотнул головой. Обшарив все карманы, Степан обнаружил искомое на дне объемистой сумки. Открыв, потянул на себя тяжелую резную дверь, и шагнул в темноватый холл, отделанный деревом.

Из людской уже шаркал Борден, старый эконоом с замашками английского дворецкого.

- Добрый день, сэр, – с достоинством поклонился он.
- Добрый, Борд, – буркнул Вакарчук, отыгрывая нелюдима.
- Рад вашему приезду, сэр. Вас так долго не было, сэр...
- Дела, Борд.
- Кухарку я отпустил, сэр, готова лишь холодная закуска. Но, если нужно...
- Нет-нет, Борд, все в порядке, – скинув куртку на руки эконоому, Степан тяжело зашагал к лестнице. – Должен подойти один хомбре,пустишь его. А пока отдыхай.

- Слушаюсь, сэр...

Прямой, как огородное пугало, Борден величественно удалился.

– Закуска – это неплохо, для начала, – рассудил Степан, и понизил голос: – По-моему, он принял меня за хозяина!

- Старый слуга, – пожал плечами Чак. – Подслеповат и глуховат.
- За мной!

В столовой был накрыт огромный овальный стол, окруженный двумя десятками старинных стульев, сразу напомнивших Вакарчуку наследство Кисы Воробьянинова. В меню имелось холодное запеченное мясо, нарезанное тонкими пластиками, безвкусный сладковатый хлеб, похожий на поролон, и красное вино в графине.

- Ага, да тут и выпивка! Живем...

Хлебнув для храбрости, Вакарчук основательно закусил. Страх и тревога, не отпускавшие его с раннего утра, как только в светлеющем небе зазеленела статуя Свободы, немного ослабили хватку. Степан повеселел. Проверку дворецким он выдержал...

Мысли разлетелись вспугнутыми мухами, стоило ударить колокольчиком в холле. Вакарчук настороженно, перестав жевать, глянул на индейца. Тот успокаивающе повел рукой – спокойней, бледнолицый, спокойней...

Вскоре зашаркал Борден, и вот с лестницы донесся его дребезжащий голос:

- Мистер Сандерс, сэр!

Степана окатило облегчением. Быстро дожевав мясо, он крикнул:

- Пусть поднимается!

Вскоре в столовую вошел Уинни Сандерс, он же Николай Ладынин, большой спец из «Фирмы» Питовранова. Выглядел он как типичный «белый воротничок» – костюмчик, галстук, безукоризненно белая рубашечка. А иронию во взгляде прятали затененные стекла очков.

– Приветствую вас на земле Ньюйоркщины! – поздоровался он на русском, и небрежно отмахнулся, словно стирая с лица Степана тень неуверенности. – Не волнуйтесь, подслушки нет, ребята обследовали весь дом. Ах, да... – Николай повернулся к Призраку Медведя. – Как ваши успехи в русском?

- Хорошо, товарищ, – старательно выговорил индеец. – Но лучше – англиш.

– О`кей, – кивнул Сандерс. – Я уже второй месяц тружусь в вашей компании «Мэшинтрекс», товарищ Уортхолл. Пока простым менеджером, но... Вы же меня повысите?

– Куда ж я денусь! – фыркнул Вакарчук. – И что «Мэшинтрекс»?

– Да ничего так, крепкий бизнес, – Ладынин покрутил кистью. – Без долгов, но и без особых амбиций. Торгует компьютерами и программным обеспечением. Что я предлагаю на первом этапе? Создать фирму «Софтимпэкс» – и продвигать на американский рынок советское ПО, то есть софт, а затем и хард – нашенские микроЭВМ «Коминтерн-1». Сейчас в Штатах найдутся десятки тысяч энтузиастов, готовых покупать недокомпы, вроде «Альтаира», «Сол-20» или «КИМ-1», а мы им предложим роскошные аппараты с дисплеем, ворд-редактором, графикой, QWERTY-клавиатурой, сетевой картой! Операционка «Ампара» в качестве бонуса, а модем – за отдельную плату...

Степан внимательно слушал, понимая с пятого на десятое, кивал с умным видом, а затем спросил:

– И что будет?

Ладынин картинно упал на стул и раскинул руки в широком жесте.

– Бум! – воскликнул он. – Ажиотажный спрос! Миллионы американцев встанут в очередь за нашими «Коминтернами», и будут их хапать, не жалея кровных долларов! «Мэшинтрекс» займется солидным делом – адаптацией советских микроЭВМ к американским реалиям. Ну, например, заменой штепсельных вилок с круглыми контактами на те, какими пользуются здесь – с плоскими. А в недалекой перспективе мистер Уортхолл выходит в миллиардеры, что и требовалось доказать! Конечно, – Николай прижал к сердцу пятерню, – все это легко лишь на словах. Потребуется звонкая реклама, и подкупы, и команда зубастых юристов-крючкотворов, но любые расходы окупятся! А параллельно будем играть на бирже. Зная будущие котировки фьючерсов, можно сделать оч-чень серьезные деньги!

В дверь робко постучали.

– Сэр, вам пакет!

– Заходи, Борден! – встав со стула, Вакарчук торжественно пожал руку Ладынину. – Благодарю за консультацию, мистер Сандерс! Надеюсь, вы принесете немалую пользу нашей компании на посту генерального менеджера.

– Я не подведу, мистер Уортхолл, – заверил Степана агент КГБ, и расплылся в откровенно гагаринской улыбке.

Воскресенье, 31 октября. Время обеда

Москва, проспект Вернадского

Просторный, залитый светом спортзал потихоньку превращался в мастерскую-лабораторию. Ряды столов вдоль стен уставлены «Коминтернами», осциллографами, какими-то стендами... Пишмашинки «Консул» с пулеметными стрекотом выкачивают распечатки... А посреди обширного помещения, прямо на паркете, грудой свалены блестящие кирпичики неомимовых магнитов, градиентные катушки в форме восьмерок, седловидные РЧ-катушки, синтезаторы частоты и усилители – это Ваня Скоков колдует над ЯМР-томографом, вдохновленный моей подсказкой. Я шепнул ему насчет частотного и фазового кодирования – и время пошло. Иван с добровольными помощниками вступил в гонку с американцами Лотербуром и Дамадьяном – эти «яйцеголовые» уже в следующем году испытают первый в мире МРТ-аппарат.

Ну, это мы еще посмотрим, кто первым порвет финишную ленточку...

Активно отдыхая за «клавой», я просмотрел отпечатанную страничку с задачей из учебника по «праку». «Изучение тензора инерции твердого тела методом колебаний».

Полдня обрабатывал измерения, обсчитывал погрешности и строил графики. А таких задач – двенадцать за семестр. И попробуй только не реши! Ну, зубы у меня крепкие, разгрыз...

– Етга... – неожиданно послышался знакомый голос, и я завис. – А где мне найти Гарина?

Иван и Гоша Леднёв, мудривший с термоэлектрическим модулем, молча указали на меня.

Да я и сам уже вскакивал, скалясь во все тридцать два.

– Ромуальдыч! – опрокинув стул, заспешил навстречу дорогому гостю.

Вайткус, смущенно посмеиваясь, шагнул и крепко пожал мою руку.

– Давно не виделись, хе-хе...

– Только не говорите, что вы просто так наведались! Нам срочно нужен технический директор, вы же в курсе!

– Так уж и срочно? – притворно засомневался Арсений Ромуальдович.

– Срочнее не бывает!

– Ой, Ромуальдыч приехал! – донеслось от дверей.

Хлопая в ладоши, вбежала Альбина в новом джинсовом костюмчике.

– Как я вам? – повертелась она.

Леднёв и Скоков, ни слова не говоря, выставили большие пальцы – люкс!

– В комиссионке взяла! – оживленно болтала Ефимова. – Никогда джинсов не носила, вообще, а тут увидела – и не выдержала. Почти все деньги потратила!

– И чё? – возник на пороге растрепанный Изя. – Прокормлю уж как-нибудь!

– Ой, кормилец нашелся! – подпустила Аля ехидцы в голос.

– А чё?

– Как будто и не уезжал! – рассмеялся Вайткус. – Миша, пойдем, я там кой-какие гостинцы привез, поможешь донести...

Мы вышли к лифтам, и Ромуальдыч, распуская «молнию» на своей шикарной дубленке из кенгуру, сказал негромко:

– Так ты серьезно насчет вакансии?

– От и до! – серьезно кивнул я. – С вашими связями... Просто мне сейчас приходится не думать, а бегать, доставать и пробивать! Вон, вчера неодимовые магниты выцарапал. Новейшая разработка! Так вот пробегаешь весь день, поможешь тому же Ваньке, а у самого всё стоит колом...

– Понимаю, понимаю... – Вайткус потер щеку, кривя губы. – Ну, считай, вакансия заполнится... м-м... через недельку.

– Здорово! – обрадовался я. – Нет, правда, что ли?

– Что ли, – улыбнулся Арсений Ромуальдович, и тут же построжел. – Только давай сразу расставим акценты. Там, в Первомайске, я реально, как ты выражаешься, хотел толкать прогресс. Но сейчас иная ситуация. Настают тревожные времена, Миша, и я не хочу, чтобы с тобой случилось... э-э... нехорошее. Понимаешь?

– Понимаю, – я щелкнул кнопкой, вызывая лифт.

– Вот и хорошо, что понимаешь, – заворчал Вайткус, насупясь.

Уверять старого зубра в том, что сами-де бережемся и кое-что могём, я не стал – это выглядело бы слишком по-детски. «Могём»... Да мне до сих пор не удалось вычислить ни одного прикрепленного! И я же наверняка видел мою охрану – в метро, на остановке или в универе, – но кто есть кто? Как распознать среди москвичей и гостей города сотрудников 9-го управления? Или со мной работает 7-е? Да я даже этого не знаю!

Выйдя, мы зашагали мимо вахты.

– Сейчас, Панасовна, – забасил Ромуальдыч, – посылки только передам!

– А як же, а як же, Арсений! – разулыбалась баба Дуся.

Я отвернулся, чтобы скрыть ухмылку – Вайткус и тут засветился! Воистину, нет в Союзе ССР людей, не знакомых с Ромуальдычем.

Зеленый «Ижик» на стоянке сразу бросился в глаза.

– Посылки Зиначке передали, и Але, а етто, – Вайткус шлепнул по капоту, – тебе!

– Что? – не сразу дошло до меня. – Машинка? Вся?!

– Полностью! – засмеялся Ромуальдыч. – Документы я оформил, всё, как полагается, права есть, восемнадцать исполнилось. Пользуйся! И уйми свои смутные сомнения. Ты же ее сам собрал – из сущего хлама, из списанного ломья!

– Да, но... – замямлил я.

– Никаких но! – отрезал Вайткус. – А свою «Волжанку» я через неделю пригоню. Хватай ящик, тащим!

Я украдкой погладил машинку, и нагрузился увесистой посылкой.

– Устроим девчонкам праздничек! – подмигнул мне Ромуальдыч, и боком толкнул стеклянную дверь ДСВ.

Там же, позже

Альбина осталась одна – Тимоша умотала к Дюхе.

Ефимова мотнула головой, откидывая челку, и улыбнулась, истово протирая пол. Зиначка – существо приятное, но и вредное. Капризное. Угодить ей – проблема.

Причем, Андрей любит Тимошу, тянется к ней, да и она не против его робких приставаний, но Зиначкино настроение переменчиво, как осенняя погода. Хотя... Может, она потому и мечется, что все решено, и эхом доносится марш Мендельсона?

Чует Тимоша, что станет Жуковой, вот и выеживается напоследок...

Альбина старательно отжала тряпку, прополоскала и снова выкрутила – протереть надо линолеум, чтобы сиял. Наверное, это у нее из детства, «от противного».

В родном доме всегда было не прибрано, вещи валялись где попало, а посуду после мамы приходилось перемывать.

Пока был жив отец, порядок кое-как соблюдался, но он умер, когда Аля перешла в восьмой – сердце подвело. И понеслось...

Пьянки-гулянки... Благо, родни полно – то днюха, то свадьба, то юбилей, то просто так, для души. Младший брат, слабак и нытик, быстро перешел от «пивасика» к дешевому «Вермуту» – тошнотворной «вермути», а после стал накачиваться мамкиным самогоном, мутным, вонючим шмурдяком из сахарной свеклы...

Ефимова отнесла швабру в санузел, и вернулась, радуясь чистоте – комната годилась хоть на выставку, как экспонат идеального «орднунга» в общажном интерьере.

Девушка вздохнула, упираясь руками в подоконник, и прижалась виском к раме. За стеклами разъезжался проспект, а вдали лиловел силуэт универа.

Былая радость прилила вновь, будоража и грея. Прошедшее лето выдалось самым прекрасным в ее жизни – никогда прежде не удавалось испытать столько счастья сразу!

«Какой же Мишка молодец! – слабо, будто по инерции, восхитилась Альбина. – Уговорил-таки провинциальных клушек!»

А иначе... Она передернула плечами.

Каждую весну, лет, наверное, с тринадцати, у нее портилось настроение. В душе росла тоска и страх – приближался дачный сезон...

Наверное, она была единственной из класса, кто не радовался летним каникулам. Девчонки уезжали в гости к бабушкам и дедушкам, а то и вовсе отдыхать на близкий юг – в Крым, на Кавказ, или, наоборот, на север. Зенковы постоянно стремились, куда подальше – в дебри Карелии, в горы Алтая, или сплавляться на лодках по Волге... А она пропадала на даче.

Перелопачивала огород – и плакала потом над огрубелыми ладонями. Сажала проклятую картошку, окучивала ее, удобряла, подкармливала, пропалывала, опрыскивала от колорадского

жука или собирала в баночку мерзкие личинки, выкапывала чертовы корнеплоды, сушила их, перебирала, волочила тяжелые мешки к раздолбанному «Москвичу» соседа, готового подвезти урожай к гаражу Ефимовых за литр самогона. В гараже, правда, машины никогда не стояло, зато имелаась смотровая яма, ведущая в погреб.

Лето кончалось, а дача – нет. Морковку и свеклу, тугую хрустящую капусту, дольчатую тыкву собирали до самых холодов.

А навоз? Веселый дядька из совхоза въезжал, библикая, прямо на огород, и, с шуточками-прибауточками, вываливал пару тонн отборного, пахучего коровьего дерьма. А ты, Алечка, грузи «натуральное удобрение» на тачку, и кати к громадному ящику, сколоченному из полусгнивших досок. Вываливай, напрягаясь всем своим юным, гибким телом, и заворачивай обратно. Грузи, кати, вали... Туда – сюда, туда – сюда... А кому еще пахать?

Маме? Так она сразу же разноеется, причитать начнет, жалиться на судьбу... Братцу Игорешу? Ага...

Альбина хихикнула – на ум пришло сладостное воспоминание. Однажды, в седьмом классе, родители собрались – и уехали в отпуск! А она осталась «на хозяйстве» – на пару с пакостливым Игорешей. Ох, она его и лупила тогда... За лень, за наглость, за всё!

Наверное, толк с экзекуций был – Игорь до сих пор смотрит на нее снизу вверх, хоть и вымахал до баскетбольного роста. Но гадить не перестал. Сколько мешков картошки, с такими трудами выращенной, он продал по дешевке, сменял на поллитра!

А мамочка? Да она просто криком исходила! Но не в его адрес, отнюдь нет. «Ты сестра! – орала самая родная женщина. – Ты в ответе за брата! Ты должна ему помогать!»

А уж сколько было воплей, когда Аля собралась уезжать в Москву... Сколько обидных слов и поношений... И плача с подвываниями... И нудного бубнежа, и торопливой, неумелой ласки... И селянской хитрецы...

Но отчаяние было сильней. Холодное и мрачное отчаяние – порой оно доводило Алю до грешных, страшных мыслей, когда быстрый конец казался избавлением. Ну, нельзя было больше терпеть – подступил самый край! Сколько можно выносить тошнотворный запах сивухи, пропитавший белье, одежду, сами стены – мамочка втихую торговала самогоном, рубль пятьдесят за бутылку...

Ефимова вздохнула, жмуря глаза. Их пекло. И все же жалко маму... Да, кучу неприятностей она из-за мамульки перетерпела, массу несправедливостей, а на душе тяжело. «Ты должна...»

«Ты ничего никому не должна! – вопил Изя. – Это они тебе должны! Ты у них, как Золушка, как крестьянка крепостная! Хватит! Едем!»

И они поехали... Назло всем, кто не верил, назло затхлому, отстойному миру нищедухов, где всё меряется стаканами, даже счастье, даже любовь!

– «И все же просится слеза, – шепотом продекламировала Альбина. – Кто мало видел, много плачет!»

Глава 3.

*Суббота, 6 ноября. После занятий
Москва, проспект Вернадского*

Прочный каркас из блестящего металла держал в себе огромные ободья электромагнита и охладители ЯМР-томографа. Громоздкая конструкция из стоек, перекладин и откосин уже весила восемьсот кило, а вся сборка потянет тонн на пять, как минимум. В общем, пришлось мне выбивать в ректорате отдельное помещение на цокольном этаже.

«Очень надо, Рем Викторович! Это ж настоящий прорыв в медицине! Ой, спасибо, Рем Викторович...»

Зато куда проще было обтянуть экраном, не пропускающим излучение, маленькую комнату, чем бывший спортзал. Заодно экранировка защищала томограф от телерадиопомех извне.

– Тут, короче, создается однородное магнитное поле от семи десятых до одной тесла, – бубнил Скоков, любовно оглаживая массивные катушки. – А ядра водорода в нас, будто малюсенькие компасы! Только их стрелочки вертятся, как попало. Включаем основной магнит – и миллиарды миллиардов протонов выстраиваются одинаково! Образно говоря, все на север указывают. А сюда мы, – кряхтя, он просунулся внутрь сканера и пошлепал рукой по вогнутой пластмассе, – градиентные катушки поставим, чтобы локализовать область исследования, сделать как бы срез! Ну, там, брюшной полости или грудной клетки. Ага... – Ваня запыхтел, выбираясь обратно. – Одна передающая РЧ-катушка уже намотана, надо еще парочку. Их задача – возбудить «наши» протончики радиочастотным импульсом. Ядра тут же срезонируют, излучая фотоны – и приемные катушечки снимут ЯМР-сигнал. Усилят его в тыщу раз, одновременно понижая частоту с мегагерц до килогерц. Вот тут-то и заковыка – сигнал, ведь, аналоговый! А нам его надо оцифровать, иначе ЭВМ «не поймет»!

– Алгоритмы на мне, – успокоил я Ваню начальственным мановением, – проги сам напишу, а за тобой – матчасть.

– Здорово! – крикнул Скоков, потирая руки. – Это здорово!

«Три богатыря» – бородатые очкарики из Ваниной команды – радостно заулыбались, пихая друг друга локтями.

«Даёшь советский томограф! Даёшь пятилетку в три года!»

Хмыкнув, я обошел сканер, переступая кабели и вязки проводов. За стеклянной стеной рябили Удальцовские пруды, а на тот берег выходили белые пятиэтажки.

Меня передернуло. Вообразил, каково это – окунуться в стылую воду. Обжигает, как огнем, только с обратным знаком...

Снега мы пока не видали, однако белёсое небо помаленьку затягивалось клубистой, синевато-пепельной хмарью, да и ветерок поддувал морозный – лицо немеет. Лужи по утрам окаймлялись целлофановым, перепончатым ледком, тонким, как покрывное стеклышко для микроскопа – он колко хрустел под колесами «Ижика». Предзимье...

– Ладно, дерзайте, – улыбнулся я в дверях, вдохновляя однокурсников на новые трудовые подвиги. – Нужен буду, наверху ищите.

Цоколь пустовал, лишь в гладильной шипела утюгами пара студенточек. Зазывно распахнутые дверцы лифта словно поджидали меня, но я свернул на широкую лестницу, избегая на первый этаж, просвеченный насквозь, как сухой аквариум.

– О, Миша! – живо развернулась тетя Дуся. – А тут к тебе!

С низенького диванчика плавно, по-кошачьи, встала Инна в пухлой куртке и задорной лыжной шапочке с вышитыми снежинками.

– Привет! – расцвела Хорошистка улыбкой. – А я... Вот! – она провела пальцами по картонному ящику со знакомой синей картинкой. «МикроЭВМ «Коминтерн-1А». – Купила тут, недалеко... А он такой тяжелый! Олег на съемках сейчас, в Казахстане где-то... А потом смотрю – твоя машина стоит! Думаю, может, ты...

В синих глазах сияла такая несмелая и чуточку кокетливая мольба, столько в них светилось надежды, что я уступил.

– Пошли, – сказал, подхватывая ящик. – Как ты его только дотащила!

– На себе! – жизнерадостно прозвенела Инна. – Ой, ты же в одном свитере!

– Да ладно, – запыхтел я, боком проходя в раскрытые девушкой двери, – в машине согреюсь.

Осторожно уложив хрупкий груз в кузов, прижал его сбоку запаской, чтобы не елозил, и залез на водительское.

– Садись!

По-женски суетливо, Хорошистка устроилась на переднем сиденье.

– Да тут недалеко, на Ленинском! – затараторила она. – В большой квартире ремонт, пришлось нам переехать в съемную. А то пыли столько!

Я промычал нечто сочувственное, трогаясь и выезжая на Кравченко. А Москва принярядилась к празднику...

Отовсюду жгло красным цветом – трепетали на ветру флажки и полоскали стяги, надувались, как паруса, транспаранты, переброшенные через улицу. Голые деревья уже не гасили сполохи наглядной агитации, и в поле зрения постоянно попадали образы Великого Октября – «Аврора», красногвардейцы, вдохновенный профиль вождя мирового пролетариата...

– Буду сразу и учиться, и сниматься! – оживленно щебетала Инна. – А вот на сцену выйти стесняюсь! Представляешь? Ну, вот что я за человек...

– Красивый человек, – вставил я, выворачивая на проспект и улавливая в глазах пассажирки такой знойный посыл, что кровь в жилах закипела. – Куда ехать?

– А вон! До того дома – и направо! Вон, где арка!

Остановившись у подъезда, я нагрузился и зашагал за Хорошисткой, ругая курский «Счетмаш» – могли бы и прорезей наделать в ящикотаре, а то и ухватиться не за что...

– Сюда! – Инна отперла дверь квартиры и пропустила меня за порог. – Да ты не разувайся!

– Ну, вот еще... – проворчал я, скидывая туфли.

– А тебе в них не холодно?

– А там стельки из войлока. Тепло...

В квартирке еще держался старушечий нафталиновый дух, но уже победно витал молодой запах валютного «Нескафе».

Девушка засеменила вперед, распахивая дверь спальни, куда вписалась огромная квадратная кровать, застеленная стеганным хуторянским одеялом, грузный кустарный шкаф с трех дверцах и современный стол в углу, простейший, как «Квадрат» Малевича.

– Ставь! А... – в Инкином голосе зазвучали кроткие просительные нотки. – Мишенька, подключишь? А?

– Подключишь, – улыбнулся я, с треском распаковывая тару.

– Ой, спасибо, спасибо! – возрадовалась Хорошистка, и две милые ямочки заиграли на ее упругих, по-дитячьих пухлых щечках. – Девчонки показали, как пользоваться, а куда тут все эти провода втыкать...

– Сейчас я...

– Ага!

Монитор – в угол, к самой стенке, системник – под стол, «мышу» – на коврик. ГМД – в дисковод, то бишь в накопитель гибких магнитных дисков...

Щелкнув кнопкой, я вызвал к жизни микроЭВМ – дисплей осветился, а НГМД зажужжал шершнем, сглатывая инфу. Монитор мигнул – загрузка. Клик-клик. «Установить». Клик. «Готово». Клик-клик. Встроенный динамик донес знакомый перебор нот, и на экране взошла звезда «Ампары».

– Миша...

– Работает, пользуйся, – бодро сказал я, не отрываясь от дисплея. – Надо будет еще модем прикупить, сетевая карта в комплекте...

– Мишенька...

Встал. Подвинул стул. Обернулся. Замер.

Инна тянулась стрункой в шаг от меня – в босоножках на каблучке. А больше на ней ничего не было.

Я завис. Глаза жадно хватали то стройные ноги, то дразнящий изгиб бедра, то трепещущий от волнения животик, то набухшие соски, похожие на спелые малинки.

«Надо же, – плавала в пустоте одинокая мысль, пародируя ослика Иа-Иа, – мой любимый размер...»

– Мишенька! – Хорошистка ухватила мою безвольную левую руку и прижала к своей груди. Я отмер – мои пальцы вмялись в атласную туготу. Правая рука сама дотянулась до упругой, как мячик, ягодицы – и я грубо притянул девушку к себе.

– Да... Да... Да... – податливо шептала Инна, задыхаясь – и стягивая с меня тренировочные брюки с лампасами. Свитер с футболкой я скинул сам, выкручиваясь из рукавов.

Не помню, кто из нас кого повалил на кровать. Просто не хочется осуждать одну лишь Хорошистку. Я ведь прекрасно осознавал происходящее, но совесть не донимала меня ничуть. Не чувствовал за собой ни вины, ни раскаяния.

Да! Рита, Рита, Рита! Это имя колотилось у меня в голове, отзываясь частым биением пульса, но его пересиливало горячее стонущее аханье Инны, и тонкий голос, ронявший:

– Ещё! Ещё-о... О-о...

Я овладевал чужой женой на пределе сил, едва удерживая в объятиях гибкое и сильное тело. Кровь бурлила во мне, донося тающие льдинки мыслей:

«Освободись... Это освобождение... Ты хотел ее? На! Бери! Расколдуйся – и забудь!»

Тут же промелькнуло ощущение, что я просто заучиваю будущее оправдание. Или объяснение...

Пик! Экстаз! Взрыв!

Все обрывки дум, корчи переживаний и зашквар эмоций смыло в сладостном содрогании плоти.

«Свободен...»

Мы не сразу расплели руки и ноги – и тут же задышали, как утопающие, вырвавшиеся из бездны вод. Повалившись на спину, я бездумно глядел в потолок, исследуя трещинки в побелке и завитки резного багета.

– Не жалею ни о чем... – колыхнулся высокий томный голос. – И не вини себя – я давно, очень давно хотела, чтобы мы... Чтобы мы с тобой... Мое желание исполнилось.

– Мое – тоже, – я повернул голову набок, спокойно созерцая, как вздымаются Инкины груди, похожие на древнерусские шеломы, только живые и теплые, исцелованные да истисканные.

«Синяки будут...» – промелькнула мысль.

– Наверное, тебе придется плохо... – прерывисто шептала девушка, будто слабея, и являя синий блеск из-под трепета ресниц. – Всем опять хуже станет... Из-за меня. Я знаю, но... – смолкнув ненадолго, она тихонько напела: – «Мишка, Мишка, где твоя улыбка...» Самая нелепая ошибка – то, что я ушла от тебя. Из-за этого всё. Ну, да, я играла в любовь, было такое, но и любила! Тебя. Верить? – она нащупала мою руку и погладила ее.

– Верю, – вытолкнул я.

– Вот такая вышла из меня роковая фемина... – длинно вздохнула Хорошистка. – Я кругом виновата, но все равно хочу, хочу быть счастливой! И стану! – повернувшись набок, она поцеловала мою руку, словно присягая. – Больше не буду вмешиваться в твою жизнь! Обещаю.

Подтянувшись, я чмокнул в сухие, как будто воспаленные, слегка припухшие губы Инны, и встал, оттолкнувшись коленом.

– Редко кто бывает виновен сам, – неторопливо облачаясь, всё поглядывая на Хорошистку, словно стараясь запомнить получше. Девушка лежала, бесстыдно раскинув ноги и заложив руки за голову. Глаза ее влажно блестели, словно отражая слабую блаженную улыбку, застывшую в изломе рта.

– Прощай, – сказал я, оборачиваясь в дверях.

– Пока... – прошелестело в ответ.

*Понедельник, 8 ноября. День
Аденский залив, борт БПК «Сторожевой»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.